

BIBLIOGRAPHY

1. Gofman A.B. Frantsuzskaya sotsiologicheskaya shkola (1979) // Gofman A.B. Klassicheskoe i sovremennoe. Etyudy po istorii i teorii sotsiologii. — М.: Nauka, 2003. — 784 s.
2. Yoas Kh. Kreativnost deystviya. — SPb: Aleteyya, 2005. — 320 s.
3. Fournier M. Émile Durkheim (1858-1917). — P.: Fayard, 2007. — 940 s.
4. Halbwachs M. Introduction // Durkheim É. L'Évolution pédagogique en France. — P.: PUF, 1938.

Примечания

1. Дюркгейм Э. О разделении общественного труда // Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Метод социологии. М.: Наука, 1991. С. 3-390. Durkheim É. Introduction à la morale (1917) // Durkheim É. Textes. 2. Religion, morale, anomie. — P.: Les Éditions de Minuit, 1975. — Pp. 313-331.

2. Вопреки мнению Фоконне и согласно современным разысканиям специалистов по творчеству Дюркгейма, этот курс, вероятно, впервые читался не в Сорбонне, а в Бордоском университете в 1898-1899 гг. См.: Besnard Ph. De quand date l'Éducation morale? // Études durkheimiennes / Durkheimian Studies. Vol.7. Automne 1993. — P. 8-10. Fournier M. Émile Durkheim (1858-1917). P.: Fayard, 2007. — P. 570.

Поступила в редакцию 15.08.2018 г. (№ 2264)

UDC 316.253

DOI: 10.30936/1606-951X-2018-20-3/4-68-88

ЭМИЛЬ ДЮРКГЕЙМ

МОРАЛЬНОЕ ВОСПИТАНИЕ (Лекции 2-7)*

Аннотация: Фрагмент лекционного курса французского социолога Эмиля Дюркгейма, прочитанного им в Сорбонне в 1902-1903 гг. и опубликованный в 1925 г. его последователем, участником дюркгеймовской школы Полем Фоконне. Публикуемый фрагмент охватывает 2-7 лекции курса. В курсе Дюркгейма он имеет наиболее важное значение и посвящен рассмотрению основных элементов и принципов морали как социального института.

Abstract: A part of the lecture course delivered by French sociologist Emile Durkheim at Sorbonne in 1902-1903 and edited in 1925 by one of his followers, a participant of Durkheimian school Paul Fauconnet. This part of Durkheimian course includes lectures 2-7. Durkheim considers here the basic elements and principles of morality as a social institution.

Ключевые слова: Эмиль Дюркгейм, социология, мораль.

Keywords: Emile Durkheim, sociology, morality.

Предисловие

Этот курс о «моральном воспитании» — первый в цикле лекций, посвященном «науче о воспитании», который Дюркгейм прочитал в 1902-1903 гг. Первоначальные на-

* Перевод осуществлен по изданию: Émile Durkheim. L'éducation morale. Paris: Quadrige / PUF, 2012. Pp. Y-YI. 39-114. Окончание перевода см. в следующем выпуске. Перевод публикуется в авторской редакции переводчика.

броски курса он стал разрабатывать давно, еще в период своего преподавания в Бордо. Впоследствии он повторял его, например в 1906–1907 гг., не внося в него изменений. Курс состоял из двадцати лекций. Из них мы публикуем здесь восемнадцать. Две первые посвящены педагогической методологии. Первая из них — вступительная лекция, опубликованная ранее в январе 1903 г. в “*Revue de métaphysique et de morale*” и перепечатанная в небольшом сборнике «Воспитание и социология», изданная нами в 1922 г.

Дюркгейм составлял свои лекции *in extenso*. Здесь можно будет познакомиться с точным воспроизведением его рукописного текста. Наши исправления носят чисто формальный и несущественный характер. Мы сочли ненужным их отмечать, они никоим образом не касаются содержания мысли автора.

Мы просим читателя снисходительно отнестись к одному неизбежному изъяну этой книги. Почти везде начало последующей лекции захватывает страницы предыдущей: либо тогда, когда, стремясь связать их, Дюркгейм резюмирует содержание, либо, когда он вторично развивает тему, не успев устно развить ее в лекции, прочитанной на предыдущей неделе. Для того, чтобы исправить этот недостаток, нам пришлось прибегнуть к некоторым обширным переработкам, неизбежно носящим произвольный характер. Мы полагали, что чисто литературная точность не должна преобладать над уважением к оригинальному тексту. Впрочем, нередко две следующие друг за другом редакции различаются интересными деталями.

Первая часть курса — это наиболее полный компонент наследия Дюркгейма, относящийся к тому, что называют «теоретическая мораль»: теория долга, блага, автономии. Часть этих лекций перешла в доклад, опубликованный в Бюллетене Французского философского общества в 1906 г. и перепечатанный в сборнике, озаглавленном «Социология и философия» (1924) (см. прим. 2). Те же вопросы затрагивались впоследствии в «Пролегоменах к морали», над которыми Дюркгейм работал в последние месяцы жизни и фрагмент которых Марсель Мосс опубликовал в “*Revue philosophique*” (t. 89, p. 79). Не вызывает сомнений, что в некоторых моментах мысль Дюркгейма с 1902 по 1917 гг. претерпела определенную эволюцию.

Вторая часть курса, симметричная первой, должна была включать три раздела: один о духе дисциплины, второй о духе самоотверженности, третий об автономии воли, рассматриваемой на сей раз с чисто педагогической точки зрения. Последний из этих трех разделов здесь отсутствует. Дело в том, что воспитание автономии рассматривается в «Преподавании морали в начальной школе», предмете, которому Дюркгейм посвятил несколько раз ежегодный курс, в частности, в 1907–1908 учебном году. Рукопись этого курса не установлена в таком виде, чтобы ее можно было опубликовать.

Можно заметить, что лекции не соответствуют в точности главам, и часто переход от одного предмета к другому происходит внутри одной лекции. План работы мы приводим в оглавлении.

Поль Фоконне, 1925 год.

Лекция вторая

Первый элемент морали. Дух дисциплины

Плодотворно изучать любой педагогический вопрос, каким бы он ни был, можно только, если начать с уточнения данных, то есть с определения, настолько точно, насколько возможно, временных и пространственных условий, в которых находятся дети.

Для того, чтобы выполнить это методическое правило, я постарался в последней лекции четко обозначить термины, в которых, с нашей точки зрения, выступает проблема морального воспитания.

Можно различать два возраста, два периода в детстве: первый, протекающий почти целиком в семье или в детском саду, заместителе семьи; второй, протекающий в начальной школе, где ребенок начинает выходить за пределы семейного круга, приобщаться к жизни во внешней среде. Это то, что называют периодом второго детства. Именно моральное воспитание в этот период жизни мы главным образом и должны будем рассматривать. Это, следует заметить, критический момент для формирования морального облика. Ранее ребенок еще слишком мал; его интеллектуальная жизнь еще слишком рудиментарна, а эмоциональная жизнь слишком бедна и проста; он не обладает ментальным материалом, которого было бы достаточно для формирования относительно сложных понятий и чувств, находящихся в основании нашей морали. Тесно сжатые пределы его интеллектуального горизонта ограничивают в то же время и его моральный горизонт. В этот период возможна лишь весьма общая пропедевтика, предварительное приобщение к небольшому числу простых идей и элементарных чувств.

Напротив, если начиная с периода второго детства, то есть школьного возраста, основы морали не сформировались, то они не сформируются никогда. Начиная с этого момента, все, что можно сделать, это окончательно завершить начатое дело, все больше совершенствуя чувства, совершенствую их, интеллектуализируя их, то есть все больше и больше пропитывая их интеллектом. Но главное должно быть сделано. Именно на этот возраст необходимо сосредоточить внимание. Впрочем, как раз потому, что он является промежуточным, то, что мы должны будем сказать о нем, может быть, *mutatis mutandis*, легко приложимо к предшествующему или последующему возрастам. С одной стороны, для того, чтобы точно охарактеризовать, в чем должно состоять моральное воспитание в этот момент, мы вынуждены будем показывать, как оно дополняет домашнее воспитание и присоединяется к нему; с другой, чтобы узнать, каким оно призвано стать позже, достаточно будет его мысленно продлить в будущее, учитывая возрастные и средовые различия.

Но это первое определение недостаточно. Я не только буду говорить здесь, по крайней мере, в принципе, лишь о моральном воспитании второго детства, но еще больше ограничу свой предмет. Я буду рассматривать главным образом моральное воспитание второго детства в наших государственных школах, и я вам сказал о причинах этого. Дело в том, что государственные школы, как правило, являются и должны быть приводным ремнем национального воспитания. Впрочем, в противовес распространенному мнению, согласно которому моральное воспитание относится прежде всего к семье, я полагаю, наоборот, что значение школы в моральном воспитании ребенка может и должно быть первостепенным.

Существует целая область этой культуры, причем наивысшая, которая не может предоставляться в другом месте. Хотя семья может хорошо и сама по себе пробуждать и укреплять семейно-домашние чувства, необходимые для морали, и даже шире, те, что составляют основу простейших частных отношений, она не может воспитать ребенка для социальной жизни. Она по определению, так сказать, представляет собой орган, не подходящий для подобной функции. Следовательно, рассматривая школу в качестве центрального объекта наших занятий, мы обращаемся тем самым к такому пункту, который должен рассматриваться как подлинный центр моральной

культуры в рассматриваемом возрасте. Но мы обязались перед самими собой давать в наших школах только полностью рациональное моральное воспитание, то есть включающее все принципы, заимствованные в религиях откровения. Тем самым, оказывается четко определенной проблема морального воспитания, в том виде, в каком она предстает перед нами в тот момент истории, к которому мы пришли.

Я показал вам, что речь идет о деле, которое не только возможно попытаться осуществить, но которое необходимо, которое востребовано всем историческим развитием. Но в то же время я стремился показать вам всю его сложность. Это не значит, что сложность хоть в какой-то мере должна нас обескураживать. Наоборот, вполне естественно, чтобы столь важное предприятие было трудным; легко только то, что посредственно и малозначительно. Нет поэтому никакого смысла в том, чтобы преуменьшать в наших собственных глазах величие дела, в котором мы совместно участвуем, для собственного успокоения. Более достойно и полезно смотреть в лицо трудностям, которые не могут не сопровождать столь великую трансформацию. Я вам указал, какими мне представляются эти трудности.

Во-первых, вследствие тесных связей, которые исторически установились между моралью и религией, можно предположить, что существуют важные элементы морали, всегда выражавшиеся только в религиозной форме. Если поэтому мы ограничимся изъятием из традиционной системы всего, что религиозно, не заменяя то, что изъято, то мы рискуем тем самым изъять собственно моральные идеи и чувства.

Во-вторых, рациональная мораль в своем содержании не может быть тождественной морали, которая опирается на авторитет, отличный от авторитета разума. Подъем рационализма не может происходить без параллельного подъема индивидуализма и, следовательно, без совершенствования моральных чувств, которые показывают нам как несправедливые некие социальные отношения, определенное соотношение прав и обязанностей, до того не оскорблявшие наши сознания. К тому же, между индивидуализмом и рационализмом существует не только параллельное развитие, но второй реагирует на первый и стимулирует его. Ведь характерная особенность несправедливости состоит в том, что она не коренится в природе вещей, в том, что она не коренится в разуме. Поэтому неизбежно мы становимся к ней более чувствительными в той мере, в которой мы становимся более чувствительными к правам разума. Не напрасно мы осуществляем свободомыслие, наделяем его новым авторитетом, так как силы, которые мы ему таким образом придаем, оно не может их не обратить против традиций, сохранявшихся только в той мере, в какой они уклонялись от его воздействия.

Начиная организацию рационального воспитания, мы оказываемся, таким образом, перед двумя видами, двумя рядами одинаково насущных проблем. Нам нужно следить за тем, чтобы не обеднять мораль, рационализируя ее; нам нужно предусматривать обогащение, к которому она призывает уже тем, что она более рациональна, и подготавливать это обогащение.

Чтобы ответить на первую трудность, нам необходимо обнаружить моральные силы, находящиеся в основе всякой моральной жизни, как вчерашней, так и сегодняшней, не пренебрегая априори теми, которые до сих пор существовали только в религиозной форме, но обязывая себя находить их рациональное выражение, то есть, постигая их в них самих, в их истинной сущности, очищенной от всяких символов. Во-вторых, познав эти силы, мы должны выяснить, какими они должны стать в теперешних условиях социальной жизни и в каком направлении следует их ориенти-

ровать. Из этих двух проблем, нас очевидным образом должна прежде всего заинтересовать первая. Нам нужно сначала определить, в их наиболее существенных чертах, фундаментальные элементы морали, прежде чем искать те изменения, которым они могут быть подвергнуты.

Задаваться вопросом о том, каковы элементы морали (*moralit* — указать в предисловии, что так переводилось это слово; хотя возможно и «нравственность»), не значит пытаться составить ни полный перечень всех добродетелей, ни даже наиболее важных. Это значит выявить фундаментальные склонности, духовные состояния, находящиеся в основе моральной жизни, так как воспитать морально ребенка — не то же самое, что пробудить у него такую-то конкретную добродетель, затем другую, затем третью; это значит развить и даже сформировать из разнообразных деталей соответствующими методами те общие склонности, которые, будучи однажды созданы, легко сами диверсифицируются сообразно особенностям человеческих отношений. Если нам бы нам удалось раскрыть их, то мы тем самым устранили бы одно из главных препятствий, с которым сейчас столкнулось наше школьное воспитание. Ведь иногда возникающие сомнения в том, что школа может быть эффективной в отношении формирования моральной культуры, вызваны тем, что последняя, как нам представляется, содержит такое разнообразие идей, чувств, привычек, что учитель, в те относительно короткие мгновения, когда ребенок находится под его влиянием, по-видимому, не обладает временем, достаточным для того, чтобы их пробудить и развить.

Существует такое многообразие добродетелей, даже если мы стремимся ограничиться наиболее важными из них, что, если каждая из них должна культивироваться отдельно, рассредоточенное воздействие на слишком обширное пространство неизбежно будет оставаться слабым. Чтобы действовать эффективно, особенно когда воздействие может происходить лишь в течение достаточно короткого времени, необходимо иметь определенную, четко представленную цель; нужно иметь точно сформулированную идею или небольшую группу таких идей, которые могли бы служить центром притяжения. В этих условиях, воздействуя, повторяясь все время в одном и том же направлении, следуя одними и теми же путями, сможет в полной мере быть эффективным. Нужно сильно хотеть того, чего мы хотим, а для этого хотеть немного. Чтобы придать воспитательному воздействию энергию, которая ему столь необходима, нам нужно, следовательно, дойти до фундаментальных чувств, находящихся в основе нашего морального темперамента.

Но как за это взяться? Вы знаете, как моралисты обычно решают данный вопрос. Они исходят из того принципа, что каждый из нас носит в себе все существенное, относящееся к области морали. Следовательно, остается лишь заглянуть внутрь себя достаточно внимательно, чтобы одним взглядом это существенное обнаружить. Моралист, таким образом, расспрашивает самого себя, и среди понятий, которые он замечает более или менее ясно в своем сознании, он улавливает то или иное, кажущееся ему основным понятием морали. Для одних это понятие полезного, для других — понятие совершенного, для третьих — идея человеческого достоинства и т.д. Я не хочу в данный момент обсуждать вопрос о том, действительно ли вся мораль целиком находится в каждом индивиде, содержит ли в себе каждое индивидуальное сознание все ростки моральной системы, представляющую собой всего лишь их развитие. Все последующее изложение приведет нас к другому выводу, но его нельзя формулировать заранее. Отвергая часто используемый метод, я ограничусь тем, что от-

мечу все, что в нем есть произвольного и субъективного. Все что моралист может сказать после того, как он расспросил самого себя, это то, как он понимает мораль, это идея, которую он о ней лично для себя создал.

Но почему эта созданная им идея будет более объективной, чем та, что обычный человек создает о теплоте, о свете или об электричестве? Допустим, что вся мораль целиком имманентно содержится в каждом сознании. Надо еще суметь ее там обнаружить. Надо еще суметь различить среди всех находящихся в нас идей те, которые относятся к движущей силе морали, и те, которые к ней не относятся. Но согласно какому критерию проведем мы это различение? Что позволяет нам сказать: это морально, а это нет? Кто-то скажет: морально то, что соответствует природе человека. Но если предположить, что мы достаточно достоверно знаем, в чем состоит природа человека, то где доказательство того, что объект морали — реализация человеческой природы и почему она не имеет в качестве функции осуществление социальных интересов? Может быть, заменить этой формулой предыдущую? Но, во-первых, по какому праву; а, во-вторых, какие социальные интересы мораль должна соблюдать? Ведь существуют интересы самого разного рода: экономические, военные, научные и т.д. На столь субъективных гипотезах основывать практику невозможно. На таких чисто диалектических конструкциях невозможно строить воспитание, которое мы обязаны давать нашим детям.

Этот метод, впрочем, к какому бы выводу он ни приводил, повсюду базируется на одном и том же постулате: чтобы быть созданной, мораль не нуждается в том, чтобы быть наблюдаемой. Чтобы определить, чем она должна быть, кажется, что нет необходимости сначала исследовать, чем она является или чем она была. Намереваются ее узаконить немедленно. Но откуда у нее появится подобная привилегия? В настоящее время преобладает мнение о том, что мы можем познать, в чем состоят экономические, юридические, религиозные, лингвистические и прочие факты только в том случае, если начнем с их наблюдения, анализа, сравнения. Нет оснований полагать, что с моральными фактами должно быть иначе. А, с другой стороны, мы можем выяснить, чем должна быть мораль, только если мы сначала определили, что представляет собой совокупность явлений, называемых этим именем, какова ее природа, каким целям фактически она отвечает. Начнем поэтому с того, что будем наблюдать ее как факт, и увидим, что в настоящее время мы можем о ней знать.

Прежде всего, существует одна общая особенность, свойственная всем действиям, которые обычно мы называем моральными: все они соответствуют заранее установленным правилам. Вести себя морально, значит действовать согласно норме, определяющей подходящее для данного случая поведение даже до того, как у нас появилась необходимость принять какое-то решение. Сфера морали — это сфера долга, а долг — это предписанное действие. Это не значит, что перед моральным сознанием не могут возникать вопросы; мы знаем даже, что оно часто испытывает затруднения, что оно колеблется между противоположными решениями. Но необходимо тогда узнать, каково именно конкретное правило, которое применяется к данной ситуации, и как оно должно к ней применяться. Поскольку всякое правило состоит в общем предписании, оно не может применяться точно и механически, одинаковым образом, при каждом конкретном обстоятельстве. Видеть, как следует его конкретизировать, относится к компетенции морального агента. Здесь всегда существуют определенные различия, предоставленные его инициативе; но различия эти ограничены определенными рамками.

Сущность поведения определена правилом. Более того: в той же мере, в какой правило предоставляет нам свободу, в той же мере, в какой оно не предписывает дела того, что мы должны делать, и в какой наше действие зависит от нашей воли, оно не подчиняется и моральной оценке. Мы не подотчетны за него по причине той самой свободы, которая нам предоставлена. Точно так же, как действие не является преступлением в общеупотребительном, реальном смысле слова, когда оно не запрещено установленным законом, оно не является аморальным, когда не противоречит предустановленной праву. Мы можем сказать поэтому, что мораль есть система правил действия, которые предопределяют поведение. Они говорят, как нужно действовать в известных случаях; а хорошо действовать, значит хорошо повиноваться.

Этого первого замечания, мало чем отличающегося от обыденного соображения, достаточно, тем не менее, чтобы подчеркнуть один важный и слишком часто игнорируемый факт. Большинство моралистов в действительности представляют мораль так, как если бы она вся целиком отражалась в одной-единственной и очень общей формуле; именно поэтому они так легко допускают, что мораль полностью содержится в индивидуальном сознании, и простого взгляда, направленного внутрь нас самих, достаточно, чтобы там ее обнаружить. Эту формулу выражают по-разному: кантовская отличается от утилитаристской, а у каждого утилитаристского моралиста имеется своя собственная. Но как бы ни понимали эту формулу, все согласны в том отношении, что приписывают ей выдающееся место.

Вся остальная мораль окажется лишь применением этого фундаментального принципа (?). Именно эта концепция выражает классическое различие между так называемой теоретической моралью и моралью прикладной. Объект первой — определить этот высший закон морали, объект второй — исследовать, как таким образом сформулированный закон должен применяться в основных жизненных комбинациях и обстоятельствах. Конкретные правила, выводимые этим методом, сами по себе не обладают, следовательно, собственной реальностью; они являются лишь продолжениями, короллариями первой морали, результатом ее преломления через факты опыта. Примените общий закон морали к различным семейным отношениям, и вы получите семейную мораль, к различным политическим отношениям — и вы получите гражданскую мораль и т.д. Не будет обязанностей, но будет один долг, единое правило, которое будет служить путеводной нитью в жизни. Учитывая чрезвычайное разнообразие и сложность ситуаций и отношений, мы видим, насколько, с этой точки зрения, область морали представляется неопределенной.

Но подобная концепция переворачивает истинные отношения вещей. Если мы наблюдаем мораль в том виде как она существует, то мы видим, что она состоит в бесчисленном множестве специальных, точных и определенных правил, которые предписывают определенное поведение человека для различных ситуаций, возникающих наиболее часто. Одни правила определяют, какими должны быть отношения супругов между собой; другие — каковы отношения вещей с людьми. Некоторые из этих максим изложены в кодексах и применяются четко установленным образом; другие вписаны в публичное сознание, выражаются в афоризмах народной морали и подвергаются санкциям просто осуждением нарушающего их поступка, а не посредством определенных наказаний. Но и те и другие не перестают обладать собственным существованием и жить собственной жизнью. Доказательством служит то, что некоторые из них могут находиться в нездоровом состоянии, тогда как другие, на-

оборот, — в нормальном. В одной стране правила семейной морали могут обладать всем необходимым авторитетом, всей необходимой устойчивостью, тогда как правила гражданской морали, наоборот, ослаблены и размыты. Здесь, следовательно, существуют факты не только реальные, но также и относительно автономные, поскольку они могут быть по-разному затронуты происходящими в обществах событиями. У нас нет никаких оснований видеть в них просто аспекты одного и того же предписания, которое составляло бы всю их сущность и всю их реальность. Наоборот, как раз это общее предписание, каким бы образом его ни понимали в прошлом или ни понимают теперь, образует не реальный факт, а простую абстракцию.

Никогда ни один кодекс, никогда общественное сознание не признавали и не санкционировали ни моральный императив Канта, ни закон полезного, в том виде как его сформулировали Бентам, Милль или Спенсер. Все это общие соображения философов и гипотезы теоретиков. То, что называют общим законом морали (*moralité*), — это просто более или менее точный способ схематически, ориентировочно представлять моральную реальность, но это не сама моральная реальность. Это более или менее удачное резюме черт, общих для всех моральных правил; это не есть правило подлинное, действующее, внедренное. Для реальной морали общий закон морали — то же самое, что гипотезы философов, предназначенные выражать единство природы, представляют собой для самой природы. Он принадлежит сфере науки, а не природы.

Таким образом, фактически, практически, мы руководствуемся не этими теоретическими взглядами, не этими общими формулами, но частными правилами, направленными исключительно на особые ситуации, которые они регулируют. Во всех, даже наиболее важных, событиях жизни, чтобы узнать, каким должно быть наше поведение, мы не обращаемся к так называемому общему принципу морали для того, чтобы затем выяснить, как он применяется к отдельному случаю. Но существуют способы действия, определенные и специальные, которые нам навязываются. Разве, когда мы повинемся правилу, предписывающему нам стыд и запрещающему инцест, мы знаем только связь, которую он поддерживает с основополагающей аксиомой морали? А если мы отцы и, оказавшись вдовцами, обязаны полностью управлять жизнью нашей семьи? Чтобы знать, как мы должны действовать, нам нет необходимости восходить ни к высшему источнику морали, ни даже к абстрактному понятию отцовства, для того, чтобы из этого вывести, что оно требует в данном случае. Право и нравы задают наше поведение.

Мораль, таким образом, не нужно представлять себе как нечто очень общее, что конкретизируется по мере того, как это становится необходимым. Наоборот, это совокупность определенных конкретных правил; это своего рода формы с четко очерченными контурами, в которых должно протекать наше поведение. Мы не должны конструировать эти правила в тот момент, когда надо действовать, выводя их из более высоких принципов; они существуют, они полностью готовы, они живут и функционируют вокруг нас. Они представляют собой моральную реальность в ее конкретной форме.

Эта первая констатация имеет, с нашей точки зрения, важное значение. Она показывает, что в действительности роль морали состоит прежде всего в том, чтобы определять поведение, направлять его, освобождать его от индивидуального произвола. Несомненно, содержание этих моральных предписаний, то есть сущность предписываемых ими актов, также имеет моральную ценность, и мы должны будем о них

говорить. Но поскольку все они стремятся регулировать действия людей, то существует моральный интерес в том, чтобы эти действия не только были такими-то и такими-то, но, в общем, также отличались определенной регулярностью.

Иными словами, дело в том, что регулировать поведение — основная функция морали. Вот почему люди с нерегулярным, неподобающим поведением (*les irréguliers*), не умеющие принуждать себя к определенным регулярным занятиям, всегда рассматриваются общественным мнением с недоверием. Дело в том, что их моральный облик порочен в своей основе, а потому их мораль (*moralité*) в высочайшей степени носит характер неопределенный и случайный. В самом деле, если они отказываются отдаваться выполнению регулярных функций, то это потому, что им претит всякая устоявшаяся привычка, а их деятельность противостоит принятию сложившихся форм, испытывая потребность в том, чтобы оставаться свободной. Но это состояние неопределенности предполагает также и состояние непрерывной нестабильности. Подобные субъекты зависят от теперешнего впечатления, от предрасположений данного момента, от идеи, занимающей сознание в то мгновение, когда надо действовать, поскольку у них нет достаточно прочных привычек, чтобы помешать настоящему господствовать над прошлым.

Конечно, может произойти так, что удачный толчок склонит их волю к верному направлению; но это результат соединения таких случайностей, возвращения которых ничто не гарантирует. Однако мораль по сути своей есть вещь постоянная, всегда тождественная самой себе, до тех пор, пока наблюдение не охватывает слишком обширные периоды времени. Моральный поступок завтра должен быть тем же, чем он был сегодня, каковы бы ни были личные диспозиции агента, который его совершает. Мораль (*moralité*) предполагает поэтому определенную способность совершать одни те же поступки в одних и тех же обстоятельствах и, следовательно, она означает способность усваивать привычки, определенную потребность в регулярности. Близость привычки и моральной практики даже такова, что всякая коллективная привычка почти неизбежно обладает каким-то моральным свойством. Когда какой-нибудь способ действия стал привычным в группе, все что от него отклоняется, вызывает осуждение, очень близкое тому, которое вызывают моральные проступки в собственном смысле. Они способствуют каким-то образом тому особому уважению, объектом которого являются моральные практики. Хотя не все коллективные привычки являются моральными, все моральные практики являются коллективными привычками. Поэтому всякий, кто невосприимчив ко всему, что есть привычка, рискует также быть невосприимчивым к морали.

Но регулярность (*régularité*) — лишь один элемент морали. Само понятие правила (*règle*), будучи основательно проанализировано, приведет нас к обнаружению другого понятия, не менее важного.

Для того, чтобы регулярность обеспечивалась, ей необходимы только достаточно основательно устоявшиеся привычки. Но привычки по определению представляют собой внутренние для индивида силы. Она относится к деятельности, аккумулированной в нас, и разворачивается сама собой посредством своего рода спонтанной экспансии. Она движется от внутреннего к внешнему импульсивно, как склонность или влечение. Но правило, наоборот, по существу есть нечто внешнее по отношению к индивиду. Мы можем воспринимать его только в форме приказа или, по крайней мере, повелительного совета, приходящего извне. Допустим, речь идет о правилах гигиены. Они приходят к нам из науки, которая их предписывает, или, более конк-

ретно, от ученых, которые ее представляют. Или речь идет о правилах профессиональной техники. Они приходят к нам из корпоративной традиции и, более непосредственно, от тех старших наставников, которые нам ее передали и которые воплощают ее в наших глазах. Именно по этой причине народы в течение веков видели в правилах морали приказы, исходящие от божества.

Дело в том, что правило — это не просто привычный способ действия, это такой способ действия, который мы не чувствуем себя способными свободно изменять по нашему желанию. Оно в какой-то мере, и даже именно в той мере, в какой оно является правилом, не подвластно нашей воле. Есть в нем что-то такое, что нам сопротивляется, нас превосходит, навязывается нам, принуждает нас. От нас не зависит ни то, будет оно или не будет, ни то, чтобы оно было иным, чем оно есть. Правило есть то, что оно есть, независимо от того, кем мы являемся. Оно доминирует над нами, но отнюдь не выражает нас. Если бы оно целиком относилось к внутренним состояниям, подобно чувству или привычке, то не было бы никакого основания для того, чтобы оно не следовало за всеми изменениями, всеми колебаниями наших внутренних состояний. Конечно, случается, что мы устанавливаем самим себе некую линию поведения, и мы говорим тогда, что мы себе создали правило, предписывающее нам действовать таким-то и таким-то образом. Но, прежде всего, слово это здесь больше не сохраняет весь свой смысл, по крайней мере, в общем виде.

Программа действий, которую мы намечаем сами, которая зависит только от нас, которую мы можем всегда изменить, — это проект, а не правило. Или же, если в действительности она в какой-то степени не подвластна нашей воле, то это значит, что в той же мере она опирается не на нашу волю, а на нечто иное, что она базируется на чем-то внешнем по отношению к нам. Например, мы выбираем такой-то жизненный план, потому что он основан на авторитете науки; и именно авторитет науки создает его авторитет. Осуществляя этот план, мы повинемся науке, а не самим себе. Именно ей мы подчиняем нашу волю.

Благодаря этим примерам мы видим, что, помимо идеи регулярности, содержится в идее правила. Это понятие *авторитета*. Под авторитетом нужно понимать влияние, которое оказывает на нас всякая моральная сила, которую мы признаем как более высокую по отношению к нам. Благодаря этому влиянию, мы действуем в предписанном нам направлении не потому, что требуемый таким образом поступок нас привлекает, не потому, что мы склоняемся к нему вследствие наших внутренних диспозиций, природных или приобретенных, но потому, что в диктующем нам его авторитете есть нечто, что нам его навязывает. В этом состоит повиновение, вызываемое добровольным согласием. Каковы ментальные процессы, лежащие в основе понятия авторитета, создающие эту повелительную силу, воздействию которой мы подвергаемся? Когда-нибудь нам предстоит это выяснить. Пока же этот вопрос не стоит; достаточно того, чтобы мы ощущали это явление и его реальность. Во всякой моральной силе, которую мы ощущаем как более высокую, чем мы, есть нечто, что заставляет подчинить ей нашу волю.

Таким образом, в известном смысле можно сказать, что не существует правила в собственном смысле слова, к какой бы сфере деятельности оно ни прилагалось, которое бы в какой-то степени не обладало этой повелительной способностью. Ибо, подчеркнем еще раз, всякое правило повелевает; именно благодаря этому, мы не чувствуем себя свободными делать с ним то, что нам хочется.

Но есть такая категория правил, в которой идея авторитета играет абсолютно решающую роль; это моральные правила. Гигиенические предписания, предписания профессионально-технические, разнообразные предписания народной мудрости обязаны, конечно, частью доверия, которое мы им оказываем, тому авторитету, которым мы наделяем науку и экспериментальную практику. Сокровищница знаний и человеческого опыта сама по себе диктует нам уважение, которое передается тем, кто является ее хранителями, подобно тому, как уважение, испытываемое верующим к религиозным явлениям, передается священнослужителям. Тем не менее, во всех этих случаях, если мы и приноравливаемся к правилу, то не только из почтения к авторитету, из которого оно проистекает, но также и потому, что предписанное действие вполне может иметь для нас полезные результаты, тогда как результаты противоположного действия могут оказаться вредными. Если, когда мы больны, мы лечимся, если мы придерживаемся назначенного режима, то это не только из уважения к авторитету нашего врача, но также и потому, что мы надеемся таким образом выздороветь. Здесь, следовательно, вмешивается чувство не уважения к авторитету, а вполне утилитарные соображения, которые связаны с внутренней природой рекомендованного нам действия, с его возможными или вероятными последствиями. Но совсем иначе обстоит дело с моральными правилами.

Конечно, если мы их нарушаем, мы подвергаем себя неприятным последствиям: мы рискуем быть обвиненными, подвергнуться бойкоту, даже материально наказанными в отношении нашей личности или нашего имущества. Но это достоверный, бесспорный факт, что действие не является моральным, даже тогда, когда оно материально соответствует правилу, если оно определяется перспективой этих неблагоприятных последствий. В данном случае, чтобы действие было всем тем, чем оно должно быть, чтобы правилу подчинились так, как ему должны подчиняться, нужно, чтобы мы испытывали к нему почтение, а не чтобы избежать такого-то неприятного результата, такого-то материального или морального наказания или чтобы добиться такого-то вознаграждения.

Нужно, чтобы мы его почитали просто потому, что мы должны его почитать, абстрагируясь от тех последствий, которые наше поведение может иметь для нас. Моральному предписанию нужно подчиняться из уважения к нему, и исключительно по этой причине. Всем тем воздействием, которое оно оказывает на воли, оно обязано исключительно облакающему его авторитету. Авторитет здесь единственная действующая сила, и другой элемент не может сюда вмешаться без того, чтобы в той же мере поведение не потеряло свой моральный характер. Мы говорим, что всякое правило повелевает, но моральное правило целиком есть повеление и ничто иное. Вот почему оно говорит с нами с такой высоты, почему, когда оно заговорило, все остальные соображения должны умолкнуть. Дело в том, что оно, так сказать, не оставляет места для колебаний.

Когда речь об оценке возможных последствий какого-нибудь действия, нерешительность неизбежна, в будущем всегда есть нечто неопределенное. Может возникнуть столько разнообразных комбинаций обстоятельств, которые невозможно предвидеть. Когда же речь идет о долге, то, поскольку все расчеты под запретом, определенность достигается легче, и проблема решается проще. Речь не идет о том, чтобы тщательно изучать будущее, всегда туманное и неопределенное; речь о том, чтобы знать, что предписано: если долг об этом высказался, то остается лишь повиноваться. Откуда у него берется этот необычайный авторитет, я сейчас не пытаюсь обнару-

жить; я ограничиваюсь тем, что обращаю на него внимание, на то, что он несомненно существует.

Мораль, таким образом, это не просто система привычек, это система приказаний. Мы говорили вначале, что человек с нерегулярным, неподобающим поведением (*l'irrégulier*) — это неполное моральное существо. Это относится к анархисту: я использую здесь это слово в его этимологическом смысле, понимая его как человека, сформированного таким образом, что он не ощущает реальность морального превосходства, человека, пораженного своего рода дальтонизмом, вследствие которого все интеллектуальные и моральные силы ему кажутся как бы расположенными на одном и том же уровне.

И вот теперь мы сталкиваемся с другим аспектом морали: в основе моральной жизни, помимо духа регулярности, присутствует ощущение морального авторитета. Впрочем, между обоими этими аспектами существует тесная близость, и они обнаруживают свое единство в одном более сложном понятии, которое их в себе заключает. Это понятие дисциплины. В действительности, дисциплина имеет своей целью регулировать поведение; она подразумевает поступки, которые повторяются сами по себе в определенных условиях, но она не существует без авторитета. Это регулярный, устойчивый авторитет.

Мы можем, таким образом сказать, подводя итог этой лекции, что первый элемент морали — это дух дисциплины. Обратим, однако, внимание на смысл этого утверждения. Обычно дисциплина представляется полезной только потому, что она принуждает к определенным поступкам, которые рассматриваются как полезные. Она выступает лишь как средство побудить к ним, навязывая их. Именно в них заключается смысл ее существования. Если же предыдущий анализ точен, то нужно сказать, что смысл дисциплины в ней самой, что хорошо, чтобы человек был дисциплинированным, даже если абстрагироваться от поступков, которые он таким образом будет совершать благодаря ей.

Почему так? Этот вопрос рассмотреть тем более необходимо, что дисциплина, правило часто представляются как стеснение, может быть, и необходимое, но достойное сожаления, как зло, которое надо уметь переносить, но сводя его к минимуму. Что же делает дисциплину благом? Это мы увидим в следующий раз.

Лекция третья. Дух дисциплины (продолжение)

В предыдущей лекции мы начали выяснять, каковы фундаментальные диспозиции морального характера, поскольку именно на них должно оказываться воздействие воспитателя. Это то, что мы назвали основными элементами морали. Чтобы с познакомиться с ними, мы постарались рассматривать мораль извне, такой, как она живет и функционирует вокруг нас, такой, как она непрерывно применяется перед нашим взором к действиям человека, с тем, чтобы среди многочисленных обнаруживаемых ею особенностей выявить те, которые действительно являются основными, т.е. за разнообразием отдельных обязанностей повсюду оказываются тождественными самим себе. Очевидно ведь, что то, что действительно фундаментально, — это способности, склоняющие нас действовать морально не в том или ином отдельном случае, но в большей части человеческих отношений как таковых.

Таким образом, рассматриваемая с этой точки зрения, мораль демонстрирует нам прежде всего первую характерную черту, которая, будучи внешней и формальной,

тем не менее, имеет очень большое значение. Мораль, не только та, которую мы наблюдаем сегодня, но также и та, которую мы можем наблюдать в истории, состоит в совокупности четких и специфических правил, повелительно определяющих поведение. Из этой первой констатации вытекает, в качестве непосредственного короллария, двойное следствие.

Во-первых, поскольку мораль определяет, фиксирует, регулирует действия людей, она предполагает наличие у индивида определенной предрасположенности к регулярному характеру существования, определенной склонности к регулярности. Долг регулярен, он всегда выступает в одном и том же виде, он единообразен, даже монотонен. Обязанности не состоят во взрывных действиях, совершаемых время от времени, в моменты отдельных кризисов. Настоящие обязанности носят повседневный характер, и естественное течение жизни их периодически восстанавливает. Те же, у кого склонность к изменениям и разнообразию доходит до чувства ужаса перед всяким единообразием, сильно рискуют оказаться неполными моральными личностями. Регулярность есть моральный аналог периодичности в органической природе.

Во-вторых, поскольку моральные правила — не просто еще одно имя, обозначающее внутренние привычки, поскольку они определяют поведение извне, и повелительным образом, то для того, чтобы им подчинялись и, следовательно, чтобы люди были в состоянии действовать морально, необходимо обладать ощущением того авторитета *sui generis*, который им имманентно присущ. Необходимо, иными словами, чтобы индивид был сформирован таким образом, чтобы он ощущал превосходство моральных сил, ценность которых выше, чем его собственная, и преклонялся перед ними. Мы видели даже, что хотя это чувство авторитета составляет часть той силы, с которой все правила поведения, какими бы они ни были, навязываются нашей воле, то во всем, что касается моральных правил, оно играет роль исключительно важную, так как здесь оно является единственным действующим чувством. Никакое иное чувство не примешивает свое воздействие к воздействию этого чувства авторитета.

В самой природе этих правил заключено то, что им необходимо повиноваться не по причине собственно содержания предписываемых ими поступков и вероятных последствий, которые эти поступки могут иметь, но исключительно из-за того факта, что они повелевают. Их действительность создается исключительно их авторитетом и, следовательно, неспособность чувствовать и признавать этот авторитет там, где он существует, или же отличать, когда он признается, означает, собственно, отрицание всякой подлинной морали. Конечно, когда, как это происходит с нами, мы запрещаем себе прибегать к теологическим концепциям для объяснения особенностей моральной жизни, то на первый взгляд может показаться удивительным, что чисто человеческое понятие способно оказывать столь необыкновенное воздействие. Но сам по себе этот факт неоспорим. Нам остается лишь осознать его; в дальнейшем мы постараемся дать о нем представление, которое сделает его понятным.

Таким образом, мы имеем дело со вторым элементом морали. Впрочем, вы видели, что в сущности эти два элемента составляют всего лишь один. Чувство регулярности и чувство авторитета суть лишь два аспекта одного и того же более сложного духовного состояния, которое можно назвать духом дисциплины. Дух дисциплины — такова первая фундаментальная склонность всякого морального характера.

Но подобному выводу приходится сталкиваться с весьма распространенным человеческим чувством. Моральная дисциплина только что представлялась нам как

нечто вроде блага самого по себе; кажется, что она должна обладать ценностью в себе и для себя, поскольку ей следует подчиняться не по причине действий, которые она приказывает нам совершать, и их значения, но потому, что она нам приказывает. Однако мы склонны скорее видеть в ней стеснение, может быть, и необходимое, но всегда тягостное, зло, с которым надо мириться, так как оно неизбежно, но которое нужно стремиться сводить к минимуму. И в самом деле, разве дисциплина, любая дисциплина, не является, по сути, тормозом, ограничением деятельности человека? Но ограничивать, тормозить, значит, отвергать существование, мешать ему, значит, следовательно, отчасти разрушать его, а всякое разрушение плохо. Если жизнь хороша, как может быть хорошо, чтобы ее сдерживали, стесняли, устанавливали границы, которые бы она не могла преодолеть? А если жизнь не хороша, то что может иметь ценность в этом мире? Ведь быть, значит действовать, значит жить, а всякое умаление жизни — это умаление бытия.

Кто говорит о дисциплине, говорит о принуждении, неважно, материальном или моральном. Но разве всякое принуждение не является по определению насилием над природой вещей? Именно исходя из этих соображений, уже Бентам видел в любом законе зло, которое можно терпеть, которое может быть оправдано только в том случае, когда оно жизненно необходимо. Поскольку в действительности индивидуальные деятельности, развиваясь, встречаются и, встречаясь, рискуют оказаться в состоянии войны, необходимо обозначать справедливые границы, которые они не могут переступить; но это ограничение само по себе содержит нечто аномальное.

Для Бентама мораль, как и законодательство, есть своего рода патология. Большинство ортодоксальных экономистов говорит на том же языке. И несомненно, под влиянием того же чувства, начиная с Сен-Симона, величайшие теоретики социализма допускали в качестве возможного и желательного такое общество, в котором всякая регламентация будет исключена. Идея авторитета, более высокого, чем жизнь и устанавливающего для нее законы, казалась им пережитком прошлого, предрассудком, который не должен сохраниться. Жизни самой надлежит создавать закон для самой себя. Ничего не может быть вне ее и над ней.

Мы приходим, таким образом, к тому, что рекомендуем людям не склонность к умеренности, к чувству меры, морального ограничения, но прямо противоположное чувство, а именно нетерпимое отношение ко всякой узде и к любому ограничению, желание бесконечного саморазвития, влечение к беспредельному. Кажется, что человек окажется скованным, если только перед ним не будет открываться безграничный горизонт. Конечно, мы прекрасно осознаём, что никогда не будем в состоянии его достигнуть; но считается, что, по крайней мере, перспектива нам необходима, что только она может дать нам ощущение полноты бытия. Отсюда проистекает своего рода культ, характерный для стольких писателей XIX в., говоривших о чувстве бесконечности. В нем видят чувство главным образом благородное, поскольку через него человек стремится возвыситься над всеми границами, которые ему противопоставляет природа, и освобождается, по крайней мере, идеально, от всякого принижающего его ограничения.

Один и тот же педагогический прием становится совершенно отличным от самого себя в зависимости от того, как он применяется; а применяется он весьма различным образом, в зависимости от того, как он понимается. Дисциплина поэтому будет иметь очень разнородные результаты, соответственно тому представлению,

которое мы сформулируем относительно ее сущности и роли в жизни в целом, и особенно в воспитании. В этой связи важно, чтобы мы стремились уточнить, какова эта роль, и не оставляли нерешенным очень серьезный вопрос, возникающий по этому поводу. Следует ли видеть в дисциплине простой надзор, внешний и материальный, единственный смысл существования которого — предотвращать определенные поступки, и который не приносит никакой пользы помимо этого предотвращающего воздействия? Или же, наоборот, как позволит предположить наш анализ, не будет ли она инструментом *sui generis* морального воспитания, обладающего собственной, внутренне присущей ему ценностью и отмеченного особой печатью морального характера?

Прежде всего, тот факт, что дисциплина социально полезна, сама по себе и независимо от поступков, которые она предписывает, очень легко доказать. В самом деле, социальная жизнь есть лишь одна из форм организованной жизни, а всякая живая организация предполагает определенные правила, от которых она не может отклониться без болезненных потрясений. Для того, чтобы она могла сохраняться, необходимо, чтобы она была в состоянии все время отвечать на требования среды, так как приостановление жизни влечет за собой смерть или болезнь. Значит, если бы на каждое внешнее воздействие живое существо было бы вынуждено, двигаясь ошупью, заново искать подходящий способ реагирования, разрушительные силы, осаждающие его со всех сторон, его бы быстро подвергли дезорганизации. Вот почему способ реагирования различных органов, в том, что в нем наиболее важно, носит предопределенный характер; существуют способы действий, которые навязываются регулярно, всякий раз, когда возникают одни и те же обстоятельства. Это то, что называют функцией органа.

Но коллективная жизнь подчинена тем же самым потребностям, и регулярность ей не менее необходима. Нужно, чтобы постоянно, каждое мгновение было обеспечено функционирование семейной, профессиональной, гражданской жизни; а для этого необходимо, чтобы не было необходимости непрерывно искать ее форму. Нужно, чтобы были установлены нормы, определяющие, какими должны быть эти отношения, и чтобы индивиды им подчинялись. Именно это подчинение и составляет повседневную обязанность. Но данное объяснение и данное обоснование недостаточны. Мы не объяснили институт, показав, что он полезен для общества. Нужно еще, чтобы он не сталкивался с непреодолимым сопротивлением со стороны индивидов. Если институт применяет насилие над индивидуальной природой, то каким бы он ни был социально полезным, он не сможет ни родиться, ни особенно сохраниться, поскольку он не будет в состоянии укорениться в сознаниях.

Конечно, социальные институты имеют непосредственной целью интересы общества, а не индивидов как таковых. Но, с другой стороны, если они разрушают первоисточник жизни индивида, то тем самым они разрушают также и тот первоисточник, из которого сами они черпают свою собственную жизнь. А мы видели, что дисциплину часто обвиняли в том, что она насилует естественную конституцию человека, поскольку она препятствует его свободному развитию. Обоснован ли этот упрек? Верно ли, что дисциплина является для человека причиной его умаления и ограничения его могущества? Верно ли, что деятельность перестает быть самой собой в той мере, в какой она подчинена моральным силам, которые ее превосходят, сдерживают и регулируют?

Наоборот, неспособность удерживаться в определенных границах для всех форм человеческой деятельности и даже, шире, для всех форм биологической активности, является признаком болезненного состояния. Нормальный человек перестает испытывать голод, когда он принял определенное количество пищи; это больной булимией не может насытиться. Здоровые, нормально активные люди любят ходьбу, но маньяк ходьбы испытывает потребность непрерывно, без передышки метаться, и ничто не может его удержать. Даже самые благородные чувства, такие, как любовь к животным и даже любовь к другому человеку, когда они превосходят некоторую меру, являются несомненным признаком повреждения воли. То, что мы любим людей, что мы любим зверей, нормально, но при условии, что та и другая симпатии не выходят за определенные границы; если же, наоборот, они развиваются в ущерб другим чувствам, то это признак некоего внутреннего расстройства, о патологическом характере которого врачи хорошо знают. Некоторые думали, что чисто интеллектуальная деятельность свободна от такой необходимости. Хотя, — говорили они, — мы удовлетворяем голод посредством определенного количества пищи, «мы не удовлетворяем наш разум определенным количеством знания». Это заблуждение. В каждый момент времени наша нормальная потребность в науке жестко определена и ограничена целой совокупностью условий.

Прежде всего, мы не можем вести более интенсивную интеллектуальную жизнь, чем позволяют состояние, уровень развития, достигнутые в определенный момент нашей центральной нервной системой. Если же мы попытаемся превзойти этот лимит, то из-за этого окажется разрушенным субстрат нашей ментальной жизни, а вместе с тем — и сама наша ментальная жизнь. Более того, мышление есть лишь одна из наших психических способностей; наряду со способностями чисто отображательными, существуют способности активные. Если первые развиваются сверх меры, то другие из-за этого неизбежно атрофируются, а отсюда следует болезненная неспособность к деятельности. Для того, чтобы мы могли действовать в жизни, необходимо, чтобы мы допускали множество вещей, не пытаясь создать себе о них некое научное понятие. Если мы хотим все делать правильно, нам нет нужды изо всех сил рассуждать и отвечать на наши бесконечные «почему». Именно это характерно для аномальных состояний, которые врач называет *болями*. И то, что мы говорим об интеллектуальной деятельности, может быть так же сказано о деятельности эстетической. Народ, непригодный для наслаждения искусством — это варварский народ. Но, с другой стороны, когда в жизни народа искусство занимает чрезмерно большое место, он в той же мере отказывается от серьезной жизни, и в результате дни его сочтены.

Дело в том, что на самом деле, чтобы жить, нам необходимо удовлетворять множество потребностей с помощью ограниченного объема жизненных энергий. Количество энергии, которое мы можем и должны направлять на осуществление каждой отдельной цели, таким образом, также неизбежно ограничено: оно ограничено всей совокупностью сил, которыми мы располагаем, и соответствующим значением преследуемых целей. Всякая жизнь, следовательно, есть сложное равновесие, разнообразные элементы которого ограничивают друг друга, и это равновесие не может нарушиться, не вызывая страдания и болезнь. Более того. Даже та форма активности, в пользу которой это равновесие нарушается, как раз вследствие чрезмерного развития, которое она таким образом получает, становится источником страданий для индивида. Потребность, желание, освобожденные от всякого тормоза и от всякого

правила, не привязанные более к какому-нибудь определенному объекту, и, благодаря самой этой определенности, ограниченные и сдерживаемые, для субъекта, который их испытывает, могут быть лишь причиной постоянных мучений.

В самом деле, какое удовлетворение может нам принести эта потребность, ведь она по определению уже не может быть удовлетворена? Неутолимая жажда не может быть утолена. Для того, чтобы мы испытывали какое-то удовольствие от своего действия, нужно еще, чтобы у нас было ощущение, что наше действие служит чему-то, то есть последовательно приближает нас к цели, к которой мы стремимся. Но мы не можем приближаться к цели, которая по определению находится в бесконечности. Расстояние, на котором мы остаемся от нее удаленными, всегда остается тем же самым, какой бы путь мы ни проделали. Что может быть более разочаровывающим, чем движение к конечному пункту, который не находится нигде, поскольку он ускользает, по мере того, как к нему продвигаются? Столь тщетное движение ничем не отличается от топтания на месте; поэтому оно не может не оставлять за собой печаль и уныние. Вот почему такие эпохи, как наша, которые познали зло беспредельного, неизбежно являются печальными эпохами. Пессимизм всегда сопровождает безграничные стремления. Литературный персонаж, который может рассматриваться как истинное воплощение этого чувства беспредельного, это Фауст Гёте. Поэтому не без основания поэт рисует нам его как одолеваемого непрерывными мучениями.

Таким образом, для того, чтобы обладать полным ощущением самого себя, человеку совсем не обязательно испытывать потребность видеть перед собой эти безграничные горизонты, в действительности ничто для него так не болезненно, как подобная неопределенная перспектива. Хотя он и не чувствует потребность в постоянно и точно определяемом жизненном пути, он может быть счастлив только тогда, когда он посвящает себя выполнению определенных и специфических задач. Это ограничение никоим образом не означает, впрочем, что он должен когда-либо достигать неподвижного состояния, в котором он окончательно обретет покой.

Можно, непрерывно продвигаясь, переходить от одних специфических задач к другим, также специфическим, не погружаясь при этом в отмеченное разлагающее ощущение безграничного. Важно, чтобы деятельность всегда имела точно определенный объект, к которому она могла бы прикрепиться и который бы ее ограничивал, определяя ее. А всякая сила, которую никакая противоположная сила не сдерживает, необходимо стремится затеряться в бесконечности. Так же как газообразное тело заполнило бы безмерность пространства, если бы никакое другое тело не противостояло его распространению, всякая физическая или моральная энергия стремится бесконечно расширяться до тех пор, пока ничто ее не останавливает. Отсюда необходимость регулирующих органов, которые удерживают совокупность наших витальных сил в обоснованных границах. Что касается физической жизни, то в ней эта роль принадлежит нервной системе. Это она заставляет органы двигаться и распределяет среди них количество энергии, причитающееся каждому из них.

Но моральная жизнь не поддается влиянию этих органов. Ни мозг, ни нервные узлы не могут устанавливать границы стремлениям нашего ума или нашей воли. Ведь ментальная жизнь, особенно в своих высших формах, выходит за пределы организма. Она, конечно, зависит от него, но по-своему, и узлы, которые ее с ним связывают, тем более опосредованы и слабы, чем о более высоких функциях идет речь. Ощущения, физические аппетиты лишь выражают состояние организма, а не чистые идеи и

сложные чувства. Над этими чисто духовными силами, существует лишь одна власть, способная на них воздействовать, также духовная. Этой духовной властью является авторитет, внутренне присущий моральным правилам.

В самом деле, благодаря этому авторитету, находящемуся в них, моральные правила — это настоящие силы, с которыми сталкиваются наши желания, потребности, аппетиты всякого рода, когда они стремятся стать чрезмерными. Несомненно, эти силы не являются материальными; но, хотя они не приводят в движение тела, они осуществляют движение сознаний. Они содержат внутри себя все, что нужно, чтобы заставить подчиниться воли, принудить их, обуздать их, склонить их в ту или иную сторону. И, следовательно, можно сказать, что они являются силами без всякого метафорического значения этого слова. Мы прекрасно ощущаем их как таковые всякий раз, как мы пытаемся действовать против них, поскольку они оказывают нам сопротивление, которое нам не всегда удается преодолеть. Когда нормально скроенный, здоровый человек пытается совершить поступок, порицаемый моралью, он чувствует нечто, что его останавливает, точно так же как тогда, когда он пытается поднять тяжелый, непосильный для него груз. Откуда у моральных правил появляется эта необычная способность. Еще раз отметим, что мы откладываем рассмотрение этой проблемы и обратимся к ней в свое время.

В данный момент мы ограничиваемся констатацией факта, который неоспорим. С другой стороны, поскольку мораль есть дисциплина, поскольку она нам приказывает, то очевидно, что поступки, которые она от нас требует, не подвержены воздействию склонностей, проистекающих из нашей индивидуальной природы. Если бы она просто требовала от нас следовать нашей природе, то ей не нужно было бы говорить с нами в повелительном тоне. Авторитет необходим только для того, чтобы останавливать, сдерживать мятежные силы, а не для того, чтобы приглашать данные силы развиваться в своем собственном направлении. Сказано было, что мораль функция морали в том, чтобы помешать индивиду вторгаться в те области, которые для него запретны, и, в известном смысле, точнее не скажешь.

Мораль есть обширная система запретов. Это значит, что она имеет целью ограничить круг, в котором обычно может и должна продвигаться индивидуальная деятельность, и мы видим теперь, для чего нужно это необходимое ограничение. Совокупность моральных правил в самом деле образует вокруг каждого человека нечто вроде идеального барьера, у основания которого поток человеческих страстей угасает, не имея возможности нестись дальше. И именно благодаря тому, что они сдерживаются, становится возможным их удовлетворять. Стоит этому барьеру в каком-нибудь месте ослабнуть, как тотчас же через образовавшуюся брешь до того сдерживаемые человеческие силы бурно устремляются; но, будучи выпущенными, они уже не могут найти предела, где они могли бы остановиться. Они могут лишь болезненно напрягаться, преследуя цель, которая все время от них ускользает. Пусть, например, правила супружеской морали потеряют свой авторитет, пусть обязанности супругов по отношению друг к другу станут меньше уважаться, и страсти, аппетиты, которые эта часть морали сдерживает и регламентирует, разгуляются, распустятся, обострятся, благодаря самому этому расстройству в правилах; и, будучи не в состоянии успокоиться, поскольку они освободятся от всяких ограничений, эти страсти вызовут разочарование, которое видимым образом выразится в статистике самоубийств. Точно так же, допустим, будет поколеблена мораль, направляющая экономическую жизнь, и тогда

экономические амбиции, не знающие больше границ, вызовут возбуждение и страсти; но тогда же мы увидим увеличение ежегодного количества добровольных смертей.

Перечень примеров можно продолжить. К тому же, именно потому, что функция морали — ограничивать и сдерживать, слишком большое богатство так легко становится источником аморальности. Дело в том, что благодаря власти, которой оно нас наделяет, оно реально уменьшает сопротивление, оказываемое нам вещами; вследствие этого, оно придает нашим желаниям дополнительную силу, из-за которой их труднее умерять. Они меньше поддаются удержанию в нормальных границах.

В таких условиях моральное равновесие менее устойчиво; достаточно малейшего толчка, чтобы его поколебать. И благодаря этому возможно увидеть, в чем состоит и откуда происходит эта болезнь беспредельного, которая терзает наше время. Для того чтобы человек вообразил перед собой безграничные, свободно распахнутые пространства, нужно, чтобы он не видел больше этот моральный барьер, который обыкновенно должен был бы останавливать его взгляды; нужно, чтобы он не ощущал больше те моральные силы, которые его сдерживают и ограничивают его горизонт. Но если он их больше не ощущает, то потому, что у них больше нет нормальной степени авторитета; это значит, что они ослабли, что они уже не те, какими они должны быть.

Ощущение беспредельного может, следовательно, появляться только в такие моменты, когда моральная дисциплина утратила свое воздействие на воли; и оно есть знак этого ослабления, возникающего в эпохи, когда моральная система, действовавшая веками, поколеблена, не отвечает больше новым условиям человеческого существования, а новая система еще не сформировалась, с тем чтобы заменить ту, которая исчезает.

Итак, давайте будем остерегаться того, чтобы видеть в дисциплине, прививаемой детям, инструмент давления, к которому нужно прибегать только тогда, когда это необходимо, чтобы предупреждать повторения предосудительных поступков. Дисциплина сама по себе есть фактор воспитания *sui generis*; в моральной личности есть такие существенные элементы, формирование которых может быть обьязано только ей. Через нее и только через нее мы можем научить ребенка умерять свои желания, устанавливать границы для своих appetitов разного рода, ограничивать, и тем самым определять объекты своей деятельности; и это ограничение есть условие счастья и морального здоровья.

Разумеется, это необходимое ограничение варьируется сообразно странам и эпохам; оно не одно и то же в различные периоды жизни. По мере того как ментальная жизнь людей развивается, по мере того как она становится более интенсивной и сложной, необходимо, чтобы в той же мере расширялся круг их моральной деятельности. Ни в области науки, ни в области искусства, ни в области благосостояния мы не можем сегодня довольствоваться тем же, чем довольствовались наши отцы. Воспитатель, следовательно, противостоял бы самим целям дисциплины, если бы пытался искусственно суживать существующую границу. Но хотя и нужно, чтобы она варьировалась, хотя и нужно учитывать ее вариации, необходимо, тем не менее, чтобы она была, и это все, на что я в данный момент хочу указать.

Но можно задать вопрос: не слишком ли дорого обойдется это счастливое состояние? В самом деле, разве не является всякая граница, устанавливаемая для наших способностей, сама по себе ослаблением возможностей, разве всякое ограничение не предполагает зависимость? Кажется поэтому, что ограниченная активность

может быть не только менее свободной и менее самостоятельной, но в то же время и менее плодотворной.

Подобный вывод напрашивается и кажется трюизмом. В действительности же, это лишь иллюзия обыденного сознания, и стоит только немного поразмыслить, чтобы убедиться, что, наоборот, абсолютное всеисилие есть лишь иное обозначение крайнего бессилия.

В самом деле, представьте себе существо, освобожденное от всякого внешнего ограничения, деспота, еще более полновластного, чем те, о которых нам говорит история, деспота, которого никакая внешняя сила не может сдерживать и контролировать. Желания подобного существа по определению непреодолимы. Скажем ли мы в таком случае, что оно всеисильно? Нет, конечно, так как даже оно само не может им противостоять. Они господствуют над ним, так же как и над всем остальным. Он их терпит, но он над ними не властвует. Словом, когда наши стремления освобождены от всякой меры, когда ничто их не ограничивает, они сами становятся тиранами, и их первый раб — это собственно субъект, который их испытывает. И вы знаете, какое грустное зрелище он собой представляет. Совершенно противоположные склонности, самые противоречивые капризы сменяют друг друга и тащат этого, с позволения сказать, абсолютного повелителя то в одну, то в другую сторону, так что это видимое всеисилие превращается в конце концов в подлинное бессилие. Деспот — как ребенок; у него те же слабости, и по той же причине. Дело в том, что он сам себе не хозяин. Владение собой — вот первое условие всякой подлинной власти, всякой свободы, достойной носить именоваться таким образом. Но невозможно быть хозяином самому себе, когда в себе носят такие силы, которыми по определению невозможно управлять.

Именно по той же причине слишком сильные политические партии, те, которые не должны считаться с достаточно сильными меньшинствами, не могут существовать достаточно долго. Они быстро разваливаются именно из-за переизбытка своих сил. Поскольку ничто не в состоянии их сдерживать, они неизбежно прибегают к крайним насильственным действиям, которые дезорганизуют сами эти партии. Слишком мощная партия ускользает от самой себя и не может больше собой управлять, потому что она слишком мощная. «Бесподобные палаты» смертельно опасны для учений, победу которых они сначала возвещают. Могут, однако, сказать: а не может ли быть так, чтобы мы сдерживались сами, посредством внутреннего усилия, без того, чтобы на нас постоянно оказывалось внешнее давление? Да, безусловно, и эта способность владеть собой — одна из основных способностей, которую должно развивать воспитание.

Но для того, чтобы мы научились сопротивляться самим себе, нужно еще, чтобы мы чувствовали в этом необходимость через само сопротивление, которое оказывают нам вещи извне. Для того, чтобы мы ограничивали себя, нужно еще, чтобы мы чувствовали реальность границ, которые нас окружают. Существо, которое было бы или считало бы себя безграничным, либо фактически, либо по закону, не могло бы думать о собственном самоограничении, не противореча самому себе: это значило бы насильствовать его природу. Внутреннее сопротивление может быть только отражением, внутренним выражением внешнего сопротивления. Но если во всем, что касается физической жизни, есть физическая среда, которая нас останавливает и нам напоминает, что мы лишь часть в целом, которое нас окружает и которое нас ограни-

чивает, то во всем, что относится к моральной жизни, существуют только моральные силы, которые могут воздействовать на нас и вызывать у нас это чувство. О том, каковы эти моральные силы, мы говорили.

Мы, таким образом, приходим к важному следствию. Моральная дисциплина нужна не только для собственно моральной жизни; ее воздействие простирается шире. Из того, что мы только что видели, в действительности следует, что она играет значительную роль в формировании характера личности в целом. И в самом деле, наиболее существенное в характере — это способность контролировать себя, способность останавливать себя или, как говорится, тормозить, которая позволяет нам сдерживать наши страсти, желания, привычки, и создавать для них закон. Ведь личность — это существо, способное ставить на всем, что оно делает, свою собственную печать, которая постоянна и благодаря которой его можно узнать, отличить от любого другого. И наоборот, пока стремления, инстинкты, желания господствуют, не встречая противовеса, пока наше поведение зависит исключительно от их собственной интенсивности, до тех пор внезапные перемены, резкие скачки в настроении, подобные тем, которые происходят у ребенка или первобытного человека и которые, непрерывно раскалывая волю и противопоставляя ее самой себе, рассеивая ее под воздействием любых дуновений каприза, мешают ей сформироваться с тем единством и следовать своим путем с той настойчивостью, которые составляют первостепенные условия существования личности.

Именно это владение собой создается в нас моральной дисциплиной. Это она учит нас не действовать под влиянием внутренних импульсов, подвергая нашу активность стихийному влиянию естественных склонностей. Она учит нас действовать, прилагая усилие, так как не существует морального действия, которое бы не предполагало, что мы обуздываем некое влечение, заставляем умолкнуть некий позыв, умеряем некое стремление. В то же время, поскольку всякое правило обладает чем-то устойчивым и неизменным, возвышающее его над всеми индивидуальными прихотями, и поскольку моральные правила еще более неизменны, чем все остальные, научить действовать морально, это значит также научить вести себя последовательно, в соответствии с постоянными принципами, более высокими, чем случайные импульсы и внушения. Таким образом, именно в школе долга обычно формируется воля.

Продолжение следует...

Перевод с французского А.Б. Гофмана

Примечания

1. Речь идет о работе Дюркгейма «Определение морального факта». См. в рус. переводе: Дюркгейм Э. Социология. Ее предмет, метод, предназначение. — М.: Терра — Книжный клуб, 2008. — С. 244-292 (*прим. переводчика*).

Поступила в редакцию 15.08.2018 г. (№ 2264)

Гофман Александр Бенционович — доктор социологических наук, профессор, профессор департамента социологии НИУ «Высшая школа экономики», главный научный сотрудник Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (Москва). E-mail: a-gofman@yandex.ru.
